

Жрица Итфат

Автор:

Вадим Зеланд

Жрица Итфат

Вадим Зеланд

Все смотрят Тафти. Все читают Тафти. Все обсуждают Тафти. Одни кричат: «Мы ненавидим Тафти!» Другие кричат: «Мы хотим Тафти!» Кто же она такая, жрица Итфат, второе имя которой Тафти? Это не вымышленный персонаж. Она реально существовала, а в определенном смысле существует и сейчас. В книге рассказывается об удивительных приключениях жрицы и ее друзей в метареальности. Но и это не совсем фантастика. Или совсем не фантастика. Не хотите – не верьте, а хотите – проверьте. Ни волшебную палочку, ни сверхспособности фантастических персонажей нельзя забрать с собой, в свою жизнь. Техники Тафти – можно. Уже многие проверили.

Вадим Зеланд

Жрица Итфат

Тематика: Эзотерика / Эзотерические учения

Текст книги публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации

Дизайн обложки Ирины Новиковой Фотограф Мария Тайкова

Визажист Галина Желенкова

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ОАО «Издательская группа „Весь“», 2018.

* * *

Остановка времени

Это случилось очень давно, около 100 миллионов лет назад. Точная дата неизвестна, но она и не имеет значения. Когда речь идет о событиях, отдаленность которых невозможно себе представить, становится неважным, давно это было или недавно.

Глядя на звезды, мы не задумываемся о том, что их свет летел к нам миллионы лет. Звезды – они просто есть – здесь и сейчас. Аналогично с событиями прошлого, даже теми, что затерялись в глубине тысячелетий – они будто бы есть, здесь и сейчас, как только всплывают в памяти или повествовании.

Правда, не совсем здесь. Куда простирается эта самая глубина тысячелетий? Земля и море углубляются вниз. Небо уносится вверх. А в каком направлении уходит время? И откуда оно приходит?

С пространством все ясно: надвигается спереди, остается сзади. Со временем тоже все просто, если о нем не задумываться: что было – ушло, что будет – придет. Но куда ушло то, что было вчера, и откуда придет то, что будет завтра?

Стоит лишь начать разбираться, что же такое время, как оказывается, что все непросто и ничего не ясно. Ведь если нельзя сказать, куда ушло вчера и откуда придет завтра, то может быть, их и вообще нет, а есть только сегодня, сейчас?

Вчера не существует уже. Завтра не существует еще. Выходит, время – это ничто, которое движется в никуда из ниоткуда? Время – условность? Или все-

таки физическое явление?

Ладно, будущее как неотъемлемая часть времени – понятие эфемерное. Однако прошлое – вполне реально, и не только потому, что о нем свидетельствуют раскопки. Черепки и останки – это скорее устаревшее настоящее. Под собственно прошлым понимается череда событий. Где же хранятся события?

Пусть это кажется невероятным, но прошлое можно узреть воочию. Звездное небо – наглядное тому подтверждение. Звезды загораются, светятся, гаснут, и мы это видим, как бы давно это ни было. Точно так же, со стороны звезд можно видеть то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Значит, прошлое хранится в луче света, и только?

Оставим все эти загадки на съеденье философам. В мире есть вещи, неподдающиеся объяснению, о которых можно лишь рассказывать. Так вот, одна из таких вещей случилась – время замерло, и мир остановился.

До того момента все шло как обычно – сменялись династии королей, за одной цивилизацией следовала другая, статуи забытых богов покрывались трещинами и заносились песком... Все сущее когда-то приходило и уходило, но никогда не стояло на месте.

Хотя, кто знает, возможно, что и такое случалось не раз – время останавливалось, и Вселенная замирала в подвешенном состоянии. Ведь если есть причина, по которой время пришло в движение, то может существовать и причина остановки. Подобная пауза могла бы длиться как один миг, так и целую Вечность, поскольку без движения нет и времени.

Итак, в тот самый бесконечный миг небытия, когда ничего не происходило, в одном месте все же происходило нечто.

* * *

Жрица Итфа?т плелась по бескрайней пустыне, разговаривая сама с собой. Это была весьма экстравагантная особа, непонятно из какой страны, эпохи, и даже какого возраста – может двадцати, а может и сорока лет. Одета в длинное платье до пят из темно-синего, почти черного бархата, с шейным воротничком,

усыпанным бриллиантами. На левой руке – перстень с кристаллом такого же темно-синего отблеска. Лицо покрыто устрашающей ритуальной раскраской багрового цвета с белыми пятнышками на скулах. Глаза зеленые, волосы черные, подстрижены в каре. Что можно еще добавить? При всей своей brutальной внешности, она была красива.

Почему она могла двигаться в застывшей реальности, оставалось загадкой, в том числе и для нее самой, поскольку жрица не знала, где находится, и не помнила, как здесь очутилась.

– О боги, властители мира! Верните меня домой! – не причитала, а скорей капризно возмущалась Итфат.

– Где мои служители, мои подданные? Если вы сейчас же не покажетесь, велю вам всем отрубить головы!

Ну, это было сказано, пожалуй, с преувеличением, поскольку жрица вовсе не имела репутацию жестокой и кровожадной правительницы.

– Так. Если это чья-то злая шутка, всем будет очень, очень плохо! – Итфат уже порядком устала, но у нее еще хватало духу вести себя подобно капризной принцессе. В таких-то обстоятельствах! Надо признать, у жрицы было отважное сердце. Кто-то другой, окажись на ее месте, уже бы впал в истерику или транс.

Тем более что пейзаж был сюрреалистичным и пугающим. Повсюду однообразные песчаные волны до горизонта. В воздухе ни малейшего дуновения. Ни жарко, ни холодно. Небо, на котором не было солнца, светилось желтым сиянием, в то время как песок был, наоборот, голубого цвета.

– Ну-ка ну-ка, живенько-живенько, соображаем, это что, кошмарный ужас или ужасный кошмар? – у Итфат была привычка повторять слова.

– Со мной не может ничего такого приключиться. Это я создаю кошмары и ужасы, от которых все трепещут! Последний раз предупреждаю! Если я немедленно, сию же минуту, не окажусь в своем храме, я начну злиться, а вы знаете, как это страшно! – Итфат в отчаянии упала на колени. – Нет, я наверно сейчас расплачусь.

Тут она вдруг осознала, что едва ли помнит, откуда она и кто такая. В голове путались смутные обрывки воспоминаний, что была она верховной жрицей – правительницей какой-то страны, у нее был храм, служители, ее Наставник, но подробности никак не давались. Жрица не могла вспомнить даже своего имени.

– О боги, скажите мне, кто я!

После этих слов внезапно из пустоты возник шепот, который принялся носиться из стороны в сторону, подобно ветру:

– Итфат, Итфат! Жрица Итфат! Жрица, жрица!

– Странно, это вроде как мое имя, но будто бы и не мое, – пробормотала жрица, озираясь в поисках источника голоса. – Кто здесь?

– Преддверие, преддверие! – откликнулся шепот.

– Преддверие чего?

– Времени, времени!

– Где ты, покажись!

Но шепот так же внезапно стих и больше не откликался.

– Так... – вздохнула Итфат, не дождавшись ответа. – Похоже, это какой-то кошмарный сон. Либо я сейчас же просыпаюсь, либо сойду с ума. Больше не выдержу.

Тут у нее всплыло воспоминание о том, чему ее учил Наставник. Чтобы вернуться из сновидения в явь, нужно осознать, кто ты такая, кем на самом деле являешься.

– Я – это не я, – провозгласила жрица. – Я – это я!

Но заклинание не помогло. Ничего не происходило.

– Но кто же я?

А что могло произойти, если она так и не вспомнила себя отчетливо; и даже имя, которое назвал шепот, казалось ей, как бы, и не совсем ее именем. И что значит, не совсем?

– Ну, что будем делать, Итфат? – спросила себя жрица. – Ладно, меня зовут Итфат, меня зовут Итфат. Что дальше? Идти куда-либо бесполезно, повсюду один песок, и ничего кроме песка до самого горизонта. Погоди-погоди. Что там еще говорил Наставник?

Новое воспоминание пробудило в ней надежду. Надо проснуться во сне, и тогда можно будет управлять самим сновидением. Для этого требуется внимательно посмотреть на то, что тебя окружает, и вдуматься, все ли в порядке, или что-то не так, и что именно. Увидеть реальность.

– Нет, вокруг меня и со мной все не так! Все не в порядке! И что тут можно видеть, кроме песка. Кстати, почему он голубой? – Итфат уселась и принялась пересыпать его с руки на руку.

– Песок – это не песок. Песок – это песок! – приговаривала она, пытаясь увидеть необычную суть обычных вещей, как учил Наставник. – Что в нем необычного, кроме цвета? Он состоит из песчинок и сыплется, как и положено песку.

В то же мгновение песок перед жрицей начал вздыматься, сворачиваясь в огромную воронку и устремляясь к небу. Зрелище было ужасающим, и жрица с криком кинулась бежать прочь от воронки, но все было тщетно – куда бы она ни бежала, песчаный вихрь все время оказывался перед ней. А в туфлях, в которые была обута Итфат, особо не побегаешь. Споткнувшись, она упала.

Безумное отчаяние уже почти овладело жрицей, но она снова собралась с духом и немного успокоилась, благо что воронка не причиняла ей никакого вреда.

– Ладно-ладно, я уже напугана так, что дальше некуда. Если дальше некуда, уже хорошо, уже лучше. Но мне это надоело. Мой страх теперь отдельно – и я отдельно. Я не хочу больше с ним быть. Я уйду, а страх оставляю в своих туфлях. Они здесь все равно ни к чему. Прочь, прочь от меня! – она скинула туфли и зашвырнула их прямо в воронку.

– Все, я ушла, а страх свой оставила!

Туфли исчезли в вихре, но тот завертелся еще сильнее, теперь уже с нарастающим гулом. Дела плохи, подумала Итфат, надо было предпринимать что-то более действенное, иначе добром все это не кончится.

– Ну же, Итфат-Итфат, жрица-жрица, тебе надо увидеть эту чертову реальность, понять, что это такое, или тебе крышка. Это не просто песок, это не просто вихрь. Что это? Соображай, уже быстро-быстро, уже скорей-скорей!

И тут ее осенило.

– Песочные часы! – воскликнула она. – Это песочные часы! Я вижу тебя, ты, дьявольская реальность!

В тот же миг вращение вихря остановилось, гул сменился стеклянным перезвоном, и гигантская воронка осыпалась наземь. Песок приобрел свой естественный желтый цвет, а небо засияло голубизной. Лишь солнце все еще отсутствовало на небосклоне.

Синтетическая дева

В это же время, но в другую эпоху и в другом месте...

Объяснение, почему такое возможно – «в это же время, но в другую эпоху» – оставим на потом. Движение в пространстве и времени не всегда происходит линейно, то есть, в пределах видимости и понимания. И если что-то лежит за пределами нашего понимания, то это вовсе не значит, что такого не может быть.

Для того чтобы переместиться из той точки пространства и времени, где мы оставили жрицу Итфат, в новое место действия, наблюдателю потребовалось бы совершить довольно замысловатое путешествие.

Представьте, вы улетаете в небо, фигурка Итфат на песке превращается в точку, Земля удаляется и становится все больше похожа на географическую карту, а вас уносит все выше, и вот уже голубизна неба сменяется чернотой космоса.

Теперь вы летите в черной пустоте, но вокруг не темно, потому что звезды, и Земля еще видна как удаляющийся голубой шарик. Но вскоре и Земля превращается в точку, отчего движение перестает быть вообще заметным. На какое-то мгновение вы зависаете в этом положении, когда кругом звезды в черноте, и ничего кроме звезд.

Затем одна звезда вдруг разворачивается в трубу, вас затягивает в светящийся тоннель и несет через него, бесконечно долго, но невероятно стремительно.

Наконец, скорость замедляется, вас выталкивает из трубы, и вы опять зависаете в черном пространстве со звездами. Одна из них начинает увеличиваться, и вы понимаете, что не висите, а движетесь.

И вот уже звезда превращается в шарик, который постепенно разрастается перед вами в голубую планету – это снова Земля, но в другой эпохе. Вы входите в атмосферу, чернота вокруг сменяется голубизной, вы тонете в облаках, какое-то время плывете в сером тумане, а затем снова погружаетесь во тьму, потому что солнце уже зашло.

Внизу огни ночного города, и вы планируете вниз, все ближе к огням. Пролетаете автострады с движущимися машинами, площади с гуляющими людьми, реки, мосты, светящиеся кварталы, дома, и наконец, влетаете в какое-то окно.

Теперь можно спокойно сказать, что в это же время, но в другую эпоху и в другом месте, а именно, в одном театре, шли киносъёмки мюзикла «Отпетый клоун».

Почему клоун, и что значит отпетый? Отпетый в церкви, потому что умерший? Или может отпетый в смысле неистовый, законченный, неисправимый? Похоже, съёмочная команда и сама этого толком не понимала, потому что все еще находилась в так называемом творческом поиске.

Зрительный зал был погружен в полумрак. На креслах лежали оставленные вещи и верхняя одежда. Несколько человек сидели в зале, кто-то дремал, а кто-то глядел на освещенную сцену, где сновали люди, занятые всякими приготовлениями. Сцена представляла собой трансформер в виде полуцилиндра, на полу и стенках которого проецировались изображения и световые эффекты.

Посреди сцены стоял режиссер, эмоциональный парень, и страшно ругался.

– Это никуда не годится. Вы все никуда не годитесь! Мы снимаем мюзикл или похороны? Пошли вон, дураки! Все пошли вон, и возвращайтесь другими!

Что он хотел этим сказать, и какими другими они должны были вернуться, режиссер объяснять не стал. Но участники съемочной группы – пестрая толпа, разодетая в пух и прах – и не спрашивали, разбежались кто куда.

– Так, где моя дива? Только она меня вдохновляет. Приведите мне диву! Макс, она там долго еще? – обратился он к оператору. – Сходи узнай.

Тот сбегал за кулисы и быстро вернулся. Макс, заикающийся молодой человек, по своему обыкновению долго готовился, перед тем как сказать какую-либо фразу:

– Виктор, мы... мы-ы...

– Что, мы? Кто такие мы, или кто мы такие – сложный философский вопрос. Короче!

– Матильда опять капризничает, – наконец выдал Макс.

– Так давайте ее сюда! – страшным голосом прокричал Виктор (так звали режиссера).

– Викто-ор! – из-за кулис донесся женский голос. – Я вот она, я здесь!

Вслед за голосом появилась она сама. Эксцентричная, как было понятно с первого взгляда, особа. Одета в темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на

высоченной платформе, со включенными волосами светло-голубого цвета. Голубая блондинка, можно сказать.

– Иди сюда, Тиличка, моя ляля, моя цаца! – направился к ней Виктор, разводя руки широким жестом. – Ну-ка повернись. Вот мы какие, красивые! – и тут же, резко меняя тон. – Чего приперлась! До сих пор не покрашена! Пошла вон, в примерку, живо!

– Я не хочу, это все очень долго-предолго-о-о! – у Матильды была манера тянуть гласные. – У нас же ведь только репетиция!

– Репетиция это или съемки, решаю я. Прочь с моих глаз!

– Хочу конфету! Ты обещал принести мне вишню в шоколаде.

– Какая по... – попытался вступить в разговор Макс. – По-о...

– Ты говоришь, какая у меня красивая что? Договаривай скорей!

– Какая пошлость – вишня в шоколаде! – договорил Макс.

– А я хочу-у-у!

– Дива, ты знаешь правило: кто не делает дубль, тот не получает лакомство, – сказал Виктор. – Сделаешь – получишь. Все, пошла вон! Нет, стой, давай еще раз отрепетируем твой поклон.

Матильда отошла в сторону и изобразила жеманный реверанс.

– Ой, как вульгарно! – закричал Виктор. – Ну-ка давай заново, как тебя учили, руки на грудь и... Да не на груди, а на грудь, и душевно, с достоинством! Весело, а не фиглярно! Ну что ты будешь с ней делать! Все, убирайся прочь, уродина, или я прибью тебя!

Дива развернулась на своих платформах и приготовилась убежать.

- Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!

Матильда снова развернулась и замерла в ожидании.

- Твоими устами иногда глаголет сама истина. Сейчас серьезно, что нам лучше танцевать в этом дубле, стрит или хаус?

- Надо твист. Твист надо, - ответила дива.

- Что-что-что? Почему?

- Да потому что все эти ваши go-go и прочие RnB - полный отстойняк.

- Что-что-что? Почему отстойняк, это же современные танцы?

- Потому что это все надоело! Надоело это все потому что!

- Да, очень доходчиво объясняешь. А почему твист? Вообще ретро.

- Новое - хорошо забытое старое. Из того, что хорошо забыто, можно сделать новую моду.

- Это мы... м-мы... Это мысль, - выдал Макс.

- Согласен, надо попробовать, - сказал Виктор. - Ладно, иди гримируйся, будь умничкой.

- Я и так умничка! - Матильда вприпрыжку побежала за сцену.

Виктор подозвал костюмершу, что-то прошептал ей на ухо, и та удалилась.

- Так, а теперь все бездарности, умственно отсталые и неполноценные собрались, посмотрели на себя и быстро пришли в состояние гениальности. Давайте-давайте, я уже прям вижу, как вы начинаете светиться. Макс, и остальные склеротики и склеротички! Нам надо решать, какая музыка и эффекты. Время, время! Времени нет! Когда будет готова Матильда, мне

сообщить.

На сцене вновь закрутилась беготня и приготовления. Спустя некоторое время, которого как всегда «было и не было», Виктор, наконец, объявил:

– Так, все готово! Макс, где Матильда? А, вот она, вся такая радостная, бежит, цветет.

Представшее зрелище впечатляло. Вдобавок к голубым волосам, ее лицо покрывал густой синий грим, а глаза были разукрашены так, что дива и впрямь была дивой.

– Ну-ка иди, иди сюда, моя ляля! Повернись-ка.

Виктор знаком подозвал костюмершу, у той в руках был огромный розовый бант, какие когда-то носили сзади на старомодных платьях.

– Сейчас-сейчас, мы тебя нарядим!

Матильда, едва завидев бант, запрыгала и замахала руками:

– Нет, нет, ты с ума сошел!

– Да ты не понимаешь! Смотри, какой он! Розовый, красивый, большой! – приговаривал Виктор, любуясь своим изобретением. – Под цвет твоих туфель, все как надо!

– Я не стану такое носить, такую безвкусицу!

– Но мы же танцуем твист, вот и будет чем вертеть!

– Какой ужас! Я что тебе, кукла?

– Конечно! Ты моя живая игрушка!

– Стой спокойно, – костюмерша, не обращая внимания на стенания дивы, крепила ей бант, как раз над любезным местом.

Окружающие, собравшись, принялись ее успокаивать:

– Да ладно, Матильда, тебе в самом деле идет!

– Интересно смотрится!

– Классно выглядишь!

– Шикарно!

Наконец, диву кое-как уговорили.

– Тиличка, ляля, ты очень, очень красива! – продолжал убеждать ее Виктор.

– Очень-преочень?

– Да, да! А еще ты у нас умничка!

– Что такое-е-е, что еще от меня надо-о-о?

– У нас малюсенькая проблемочка, никак не можем выбрать спецэффекты на полу и на стенах, все что-то не то. У тебя есть какая-нибудь идеяка, этакая?

Несмотря на то, что дива производила впечатление особы легкомысленной, у нее и вправду был неординарный склад ума, и на многие вещи она смотрела по-своему, не так, как все остальные. Возможно, на свою беду.

– Ну и не надо спецэффектов. Давай просто пол зеркальный, и стены зеркальные сделаем. И вся наша танцевальная группа в них будет отражаться...

– И твой бантик тоже!

- Перестань, я не это хотела сказать. Может быть, если все зеркальное, тогда что-нибудь интересное получится?

- Ладно, давай попробуем.

- Макс, запускай трансформер, всю сцену делаем зеркальной.

- В... в-все, что ли?

- Да, и пол, и стены. Так, внимание, по местам, - Виктор обратился к остальным. - Готовы? Жонглеры, акробаты, пошли! Музыка пошла! Камеры, поехали!

Тут прежде беспорядочная и пестрая толпа вдруг собралась, преобразилась и начала двигаться слаженно и стильно, будто все было тысячу раз отрепетировано. И конечно же дива, в самом центре всего действия, очаровательно вертела своим бантиком.

Ла-ла, лалалала-ла, лалалала-ла, лалала.

Ты никогда не бывал

В нашем городе светлом,

Над вечерней рекой

Не мечтал до зари.

С друзьями ты не бродил

По широким проспектам,

Значит, ты не видал

Лучший город Земли.

Ту-туду-туду-ду!

Песня плывет, сердце поет,

Эти слова - о тебе, Москва...[1 - Песня «Лучший город земли», музыка А. Бабаджаняна, слова Л. Дербенева.]

В этот момент все зеркала как-то одновременно сверкнули, и Матильду, видимо, оказавшуюся в фокусе, озарила яркая вспышка света. Она еще продолжала двигаться в такт музыке, в то время как со всех сторон ее окутал зеленый туман. Матильда оторопело остановилась. Туман быстро рассеялся, но все пространство тут же заполнил мираж из голубого песка и желтого неба. У Матильды в глазах помутнело. Она стояла одна в мираже, который медленно плыл прямо через нее. Музыка все еще доносилась откуда-то издалека. Затем и мираж растворился, а вместо него вокруг Матильды начали проявляться какие-то серые фигуры, шевелящиеся будто в танце. В том самом танце, как только что на сцене. Фигуры были одеты в серые бесформенные балахоны, с неясными, размытыми лицами. Музыка смолкла и сменилась стеклянным перезвоном. Фигуры замерли и в замешательстве уставились на Матильду. Матильда в ужасе смотрела на них.

* * *

Очнувшись от оцепенения, серые фигуры кинулись на бедняжку с криками:

– Синтетическая дева! Синтетическая дева!

– Съедем ее! Съедем!

У Матильды подкосились ноги, и она упала в обморок еще прежде, чем фигуры успели на нее наброситься.

Гламроки

Матильда очнулась привязанной спиной к столбу. Точнее, она была даже не привязана, а крепко примотана к нему сыромятными ремнями так, что ноги не касались земли. Вокруг столба вереницей ходили оборванцы в серых балахонах с капюшонами и бормотали какую-то мантру:

– Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Время от времени они останавливались, поворачивались в центр круга и выкрикивали:

– Синтетическая дева! Съедем ее! – а затем снова принимались водить свой зловещий хоровод.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана.

Местность была пустынной и каменистой. Недалеко от столба был разведен большой костер, а поодаль виднелись какие-то примитивные постройки. Небо светилось тусклым серым сиянием, но без солнца. Общая картина была совершенно бесцветной, как в черно-белом кино. На этом фоне живописная фигурка Матильды смотрелась пришельцей из другого мира. Напомним, что у нее были голубые волосы, синее лицо, темно-зеленый комбинезон, розовые туфли с платформой и такого же цвета бант на поясице.

Несчастливая дива пребывала в шоковом состоянии. Она не понимала, где находится и что с ней происходит. Даже выдавшая виды жрица Итфат в такой ситуации наверно бы сникла. Что уж говорить о бедняжке, привыкшей к изнеженному комфорту и всеобщему обожанию. В других обстоятельствах она могла бы пожаловаться в свойственной ей манере: «Все стало очень-преочень плохо-о-о!» Но сейчас было не до капризов. Почему-то одна лишь мысль крутилась у нее в голове, да и та была странной: «Мой бантик теперь помнется». Очень-преочень странная такая мысль, при всем, что с ней случилось и что, похоже, ее ожидало.

Между тем дикари, вдоволь находившись по кругу и набормотавшись, принялись спорить меж собой о том, как дальше поступить с пленницей. Одни кричали:

– Зажаѐм ее! – другие же:

– Нет, сваѐм!

По какой-то причине, они то ли не умели, то ли не хотели выговаривать букву «р», потому что даже не картавили, а как-то ее проглатывали. Однако это не делало их речь комичной, а скорее производило жутковатое впечатление.

Так они еще долго препирались в толпе, пока не разделились на две группки, которые стали друг на друга орать:

– Зажаѣим!

– Сваѣим!

Ссора, в конечном итоге, переросла в беспорядочную драку.

Дикари (или неведомо кем они там являлись, поскольку лица у всех были одинаковые, серые, бесполые и безжизненные, будто восковые) дрались не на жизнь, а на смерть. Оружия не было, но в ход шли попавшиеся под руку камни. Вскоре они уже не стояли на ногах, а валялись в пыли, разрывая в клочья свои балахоны. Как оказалось, волосы на их головах отсутствовали.

Матильда с ужасом смотрела на всю эту дикую свару и понимала, что даже если они друг друга перебьют, у нее самой шансов никаких нет – связанная, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Ей хотелось закричать, но в горле стоял ком, да и что толку, помощи ждать было неоткуда. И это был не сон.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта безумная вакханалия, как вдруг откуда-то донесся очень сильный и низкий трубный звук. Серые вахлаки словно очнулись, нехотя поднялись и, пошатываясь, выстроились в вереницу вокруг столба. Грязные и оборванные, они по новой принялись топтаться в хороводе с бормотанием своих то ли заклинаний, то ли мантр.

Спустя некоторое время они как по команде остановились, повернулись в центр круга и злобно выкрикнули разом, будто сговорившись:

– Сваѣим ее!

И тотчас бешено забегали. Одни бросали дрова в разгоравшийся огонь костра, другие волокли невесть откуда взявшийся здоровенный котел. Третьи подскочили к Матильде, высунули языки и, глядя на нее, с мычанием замотали головами. Намотавшись и намычавшись, они закричали:

– Синтетическая дева!

Все остальные дружно подхватили:

- Съедем ее! Съедем!

Затем, мыча и скалясь и высовывая языки, они отвязали свою жертву и потащили в сторону костра.

Картина была поистине сюрреалистичной, потому что в реальности не могло случиться ничего подобного. Девушка с кукольной внешностью, с розовым бантиком... И такое грязное злодейство с ней... Нет, все это было слишком нереально. И все же, это происходило.

Но тут к Матильде, еще недавно полуживой от страха, неожиданно вернулось самообладание, как это бывает у обреченного на смерть, когда терять больше нечего, и когда хуже просто некуда. Собрав все силы, Матильда закричала:

- Пошли вон, дураки! Не трогайте мой бант!

Этот крик у нее вырвался самопроизвольно, она не отдавала себе отчета, почему выкрикнула именно такие фразы, и почему беспокоилась о таком, казалось бы, пустяке, находясь у последней черты. Единственное, что она почувствовала, это отчаянное желание, чтобы ее немедленно оставили в покое. А еще она заметила, что желание это сопровождалось каким-то необычайно томительным ощущением за спиной. Возникло ли данное ощущение от того, что у нее сзади находился бант, или от чего-то другого, но Матильда вдруг отчетливо осознала, что ощущение дает ей какую-то необъяснимую власть над серыми отродьями.

Те остановились как вкопанные и вытаращились на нее в полном изумлении. Матильда вырвалась из их лап и даже кого-то оттолкнула. Интуиция ей подсказывала, что бежать уж точно не следует, а потому она замерла в ожидании. «Что угодно, только не убегать», - подумала дива, ощущая себя готовой ко всему, и вновь испытывая характерное томление за спиной.

- Уйдите от меня прочь, уроды!

Уроды и в самом деле тут же попятились назад, издавая удивленные возгласы:

- Она сказала букву?

- Ей можно?

- Она мана?

- У нее ошо??

- Она может сказать букву!

Серые сгрудились вместе и начали о чем-то перешептываться, поглядывая на диву, которая изо всех сил старалась изображать гордое достоинство. Затем они обступили Матильду, с опаской держась поодаль. Один вышел вперед и спросил:

- Кто ты?

Матильда поняла, что прямая угроза миновала, по крайней мере, пока, и ответила уже спокойней:

- Я гламурная дива-а-а! А вы кто такие, уроды?

И тут же осеклась - она словно забыла, где находится, и что эти самые уроды, которых наверно не стоило оскорблять, ее только что чуть не сварили заживо. А вопрос, где она находилась - это был очень большой вопрос. Но те, видимо, не обратив внимания, снова завопили свое:

- Синтетическая дева!

- Она может сказать букву!

- Почему вы называете меня синтетической девой? - спросила Матильда.

Те молча переглянулись. Похоже, вопрос их привел в замешательство.

- Мы не знаем.

– Так, ладно. Кто вы такие, спрашиваю?

– Мы гламъоки! – наперебой загалдели серые. – Мы читаем бьедни! Нам нельзя читать букву! Абу! Абу!

– Понятно, – сказала Матильда. – Вы гламро?ки, и вы читаете бредни.

– Ошо! Ошо! – загомонили те. – Она может назвать нас! Она может!

Судя по всему, на дикарей производил очень сильное впечатление тот факт, что неизвестная пришлица могла свободно произносить букву «р», и что с ней при этом ничего ужасного не случилось. Серые опять принялись совещаться между собой, после чего один из них выступил вперед и спросил:

– Ты мана?

– Я Матильда. Понятно вам? – сказала дива.

– Мана-тида! Мана-тида! – закричали гламроки. Ответ Матильды опять привел их в состояние чрезвычайного возбуждения.

– А почему вы не произносите букву? – спросила она.

– Нам нельзя! Нельзя! Это абу! – заголосили те. – Будет къаш!

– Но ведь я же говорю букву, и никакого краша со мной не происходит.

– Ты мана! Мана-тида!

– Вот видите! А вы хотели меня сварить и съесть. А вы знаете, что бы было, если бы вы это сделали? – Матильда уже начинала вживаться в отведенную ей роль. – Случился бы полный краш!

Оборванцы, услышав такие слова, подняли вой, очевидно, преисполненный благоговейного трепета.

- А кто вас научил читать эти ваши бредни? И зачем они вам нужны?

- Гламоък научил! Мана-гламоък! Там! Там! - серые принялись оживленно жестикулировать, указывая руками куда-то в сторону построек.

- Мы должны читать бьедни, и тогда нам будет ошо. Нельзя читать букву. Нельзя дъаться. Нельзя поедать дъуг дъуга. Абу! Надо читать бьедни.

- Так, а меня вам поедать можно?

- Нельзя наших. Ты не наша.

- Нет, я ваша! - быстро сообразила Матильда. В таких обстоятельствах будешь соображать. - Я ваша мана!

Не успели гламроки отреагировать на ее слова, как издали опять раздался тот самый трубный звук. По всей видимости, звук служил для них каким-то сигналом, потому что дикари переполошились и закричали:

- Священный хлевьюн! Надо отвести ее в священный хлевьюн!

- Что еще за хлевьюн такой? - спросила у них Матильда.

- Там гламоък! Мана-гламоък! Мы покажем! Идем!

Матильду охватило сильное беспокойство. Если гламо?рк - их предводитель, тогда у него могло быть свое мнение по поводу того, кто здесь мана, а кто нет. И тогда процедура варки и последующего поедания синтетической девы могла возобновиться с неменьшим аппетитом.

Но у нее не было выбора. Она не имела ни малейшего представления, куда ей податься. Поэтому, ничего не оставалось, как идти с ними. Итак, вся процессия двинулась в сторону построек.

Мертвая голова

Гламроки шли молча, обступив Матильду плотной толпой, но держась от нее на расстоянии. Это было весьма странное зрелище. Серые фигуры с восковыми лицами, и среди них голубая блондинка с розовым бантиком. Какое-то фантазмагоричное шествие куклы в окружении манекенов.

Однако про Матильду нельзя было сказать, что она Барби. Бывают люди симпатичные, а бывают красивые. Это как разница между формой и содержанием. Матильда была из тех, о которых говорят: «В ней что-то есть».

Но главное, что ее выделяло из общей картины, – не столько цветной силуэт на фоне «черно-белого кино», сколько присутствие жизни. Все остальное, включая серые фигуры, было не то чтобы мертвым, а обезжизненным, если можно так выразиться. Потусторонний мир наверно так и выглядит – он не отличный от нашего – он другой, потому что «по ту сторону». Вот только, по ту сторону чего?

Вопрос пока оставим открытым. Матильду сейчас волновала не физика явления. В ее голове крутились тревожные мысли о том, что будет дальше. В силу какой-то роковой случайности, она оказалась в чужом мире. Как отсюда выбраться – непонятно. На что надеяться – неизвестно. Чего ждать от зловещих спутников? Страшно подумать.

На лицах гламроков была написана мрачная решимость выяснить для себя какую-то вещь, которая могла стоить ей жизни. Они пока не трогали Матильду, но с подозрением на нее поглядывали. Один из тех, что шел спереди, обернулся, высунул язык и, видимо по привычке, выкрикнул: «Синтетическая дева!». Но тут же получил подзатыльник. Дева оставалась неприкасаемой до окончательного выяснения, кем она на самом деле являлась – «маной», или просто съедобной девой.

Положение Матильды усугублялось тем, что ей уже хотелось в туалет. «Хорошо еще, что хоть по маленькому», – подумала она. Но вот вопрос – как это сделать? Интересно, какого они пола? Внешне никаких половых признаков у гламроков не наблюдалось. И тут ее осенила ужасная мысль. Ведь они ее могут не только съесть, но и надругаться вволю, да еще неведомо как.

Она торопливо семенила на своих платформах, то и дело спотыкаясь о камни. Бедняжка все бы отдала, лишь бы оказаться в своем мире. «Я больше не буду

капризничать, – думала она. – Я буду во всем послушной. Я больше никогда не сниму свой чудесный бантик. Я что угодно сделаю, только верните меня обратно».

Вспомнив про бант, она вновь испытала то самое, странно томительное ощущение за спиной. Оно как будто придавало ей силу, и непонятно почему, но вызывало такое чувство, будто сама Матильда имела возможность управлять происходящим. Словно в ее распоряжении был выбор – чему быть, а чему не бывать.

Она вдруг осознала свою отдельность от всего, что ее окружало и что происходило с ней. Вот она сама, а вот окружающая реальность. Она сама по себе – и реальность так же. Матильда вдруг поняла – не умом, а всем своим существом, – что оказалась как будто в книге. И ей приходится блуждать там по страницам, подчиняясь навязанному сюжету.

Или даже, скорей, как в кинофильме. Если погружаешься в эту реальность, если покоряешься, соглашаешься, смиряешься с происходящим, тогда ничего не остается, как играть отведенную тебе роль. А если нет? Если ты – отдельно, и кино отдельно от тебя?

«Разве это моя реальность? – подумала Матильда. – Нет, это не моя реальность. Здесь что-то не так. Подобное часто бывает во сне. Да, это не сон, но черт возьми, какая разница? Со мной все будет хорошо. Что бы там ни было, не знаю как, но все будет хорошо. У меня нет другого выхода. А какой еще может быть выход? Я так решила, и точка».

Сразу вслед за этой мыслью в окружающей среде произошло нечто. Матильда к своему удивлению заметила, как от неба до земли быстро промелькнула косая черная полоса, будто неведомая сила перевернула страницу реальности. Серые, похоже, не обратили внимания и продолжали свое мрачное шествие как ни в чем не бывало. Зато у Матильды на душе сразу стало легче, к ней почему-то вернулась уверенность, что теперь все действительно будет хорошо.

Тем временем они уже подошли к постройкам. Это был не то город, не то селение, а нечто странное. Повсюду незатейливые квадратные домики с гладкими серыми стенами из незнакомого материала. Домики перемежались с такими же квадратными, но пустыми углублениями. И повсюду лестницы со

ступеньками. Одни вели на крыши домов, другие в ямы, третьи просто бессмысленно заворачивались и уходили в никуда. Все это причудливое переплетение кубических построек и углублений, вместе с множеством лестниц, создавало совершенно абсурдную картину.

Извилистым путем, переходя с лестницы на лестницу, они вышли на единственное наверно открытое пространство – площадь, посреди которой возвышалось не менее странное сооружение. Оно представляло собой черный монолит, овальный по периметру и обнесенный выступающими колоннами, которые плавно изгибались кверху, образуя ребристый купол.

Судя по всему, это и был тот самый «священный хлевьюн», хотя своим зловещим видом он скорее напоминал инопланетный корабль. Гламроки не могли сами построить такое сооружение, как и весь город наверно.

В тот момент, когда наша процессия приблизилась к монолиту, от него изошел поразительно мощный трубный звук низкого тембра, который заполнил все пространство. Гламроки засуетились и поспешили внутрь. Матильда со смешанным чувством любопытства и страха последовала за ними.

Сооружение внутри оказалось таким же, как и снаружи. Выступающие по стенам колонны плавно переходили в высокий свод. Откуда-то из ниш возле пола струилось зеленое свечение. Пол был зеркально гладким и черным. Помещение было пустым, с единственным элементом в центре. То был, по всей видимости, алтарь или постамент прямоугольной формы из того же материала, что и пол. На постаменте располагалась вросшая в него голова, такая же лысая и серая, как у гламроков.

Голова корчилась в гримасах, не издавая ни звука. Гламроки обступили алтарь, втолкнув Матильду внутрь круга, упали на колени, и с поднятыми руками принялись восклицать:

– Гламоък! Мана-гламоък!

Голова, не переставая гримасничать, заговорила низким басом:

– Надо читать бредни. Нельзя читать букву. Я мана. Я могу. Вам нельзя.

Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Гламроки послушно бормотали мантру, повторяя вслед за головой.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана, – продолжал гламорк (очевидно, это и был он). – Надо читать бредни, и вам будет ошо. Нельзя делать то, что нельзя. Будет краш!

Дикари закрыли лица ладонями и застонали:

– Абу! Абу!

– Кто здесь мана? – спросила голова. – Кому вы должны делать саже??

– Гламоък! Мана-гламоък! – откликнулись те и принялись возить себя физиономиями об пол, нещадно сминая носы.

– Славьте меня! – резко выкрикнул гламорк и, сопровождая свои слова страшными гримасами, завел монотонное бубнение. – О-а-у-хомм, о-а-у-хомм.

– О-а-у-хомм! О-а-у-хомм! – подхватили гламроки.

Так они еще некоторое время бубнили вслед за головой, но постепенно замолкли и уставились на Матильду. Та стояла в растерянности, не зная, что делать. Видимо, от нее чего-то ждали. Необходимо было срочно что-то предпринять. Желательно что-нибудь экстраординарное, как правильно сообразила она, поскольку под влиянием гламорка ее авторитет стремительно падал.

Ей уже нестерпимо хотелось в туалет. Матильда так и не поняла, что это за голова, живая ли она, и если да, то почему была вросшей в монолит. Та все продолжала бубнить и гримасничать. На какой-то миг Матильде показалось, что в голове присутствует что-то механическое – одни и те же ее движения повторялись с периодичностью.

Итак, терять было нечего. Либо сейчас, либо никогда. Если немедленно, сию же минуту она не возьмет ситуацию в свои руки, ей конец. Матильда, не долго думая, взобралась на алтарь, расстегнула молнию комбинезона в потаенном месте, присела, и начала справлять нужду прямо на говорящую голову.

Гламроки так и обомлели, глядя на нее. На их лицах, казалось бы лишенных мимики, проявился неопиcуемый ужас. Они замороженно смотрели на все это зрелище, не издавая ни звука. Завершив свое святотатство, дива встала и спокойно застегнулась. В тот же момент голова вдруг заискрила, задергалась, и с угасающим мычанием заглохла, окаменевши в плачевной гримасе.

Матильда все поняла. Стоя на постаменте, она обвела дикарей торжествующим взглядом. Их гламорк был повержен. Выдержав паузу, дива задала им уже прозвучавший сакраментальный вопрос:

– Кто здесь мана?

– Мана-тида! Мана-тида! – отмерли гламроки. – Ты наша новая мана!

Они тут же упали на колени и принялись возиться мордами об пол. Матильда слезла с алтаря и приказала им:

– Перестаньте! Встаньте! Встаньте же наконец, говорю я вам!

Гламроки поднялись, и держась на почтительном расстоянии, окружили Матильду. Дива уже окончательно пришла в себя и спросила:

– Ну, что будем делать?

– Читать бѣдни! Читать бѣдни! – загомонили серые. Мертвая голова их, похоже, больше не интересовала, они с благоговением воззрились на свою новую ману, готовые следовать любому ее приказу.

Матильда на минуту задумалась. Она только что избежала страшной участи, выкрутившись из безвыходного, как ей казалось, положения. Ничего подобного она в своей жизни не испытывала, и конечно от себя не ожидала, что на такое способна. Но события развивались столь стремительно, что у нее не хватало

времени успевать удивляться, или теперь уже радоваться.

По-прежнему оставалась масса неразрешенных вопросов: чем была эта голова, что за сооружение, что за город, кем и зачем все это построено, что это был за мир, наконец, в котором она оказалась? Кем бы ни были те таинственные зодчие, но уж точно не сами гламроки. Голова, судя по всему, была электромеханической, и служила средством обуздания этого примитивного народца. Сейчас она вышла из строя, однако источник энергии все еще действовал, поскольку монолит продолжал светиться зеленым сиянием.

Но главное: что теперь надлежало делать Матильде? Если народ примитивный, то мало ли что ему взбредет на ум. Значит, надо занять их умы, хотя бы чем-то вроде ритуалов, иначе они опять могут выйти из повиновения. Поразмыслив, умничка Матильда (а она несомненно была умничкой) решила для начала наладить с ними контакт.

Летка-енька

– Слушайте, а почему бы вам не научиться произносить букву? – спросила Матильда.

– Нам нельзя! – ответили гламроки. – Будет къаш!

– А я говорю, что никакого краша не будет. Я ваша новая мана, я разрешаю. Понятно вам?

Гламроки замялись в нерешительности.

– Нам нельзя! Абу!

– Нет можно! Скажите так: мы гламроки.

Те еще долго переглядывались и перешептывались между собой, не решаясь на такой отчаянный шаг. Наконец, один из них выступил вперед и произнес:

– Мы глам-ооки.

– Мы глам-ооки! – подхватили остальные, уже не проглатывая букву, а пытаясь что-то выговорить. Однако у них пока плохо получалось.

– Повторяйте за мной: крокодилы!

– Коокодилы! Коокодилы!

– Чебурашки!

– Чебуаашки! Чебуаашки!

– Барабашки!

– Баабашки! Баабашки! – усердно старались гламроки.

– Давайте-давайте, у вас получится! Ну-ка еще раз: ленинградский рок-н-ролл!

При этих словах гламроки оживились и принялись стараться еще усерднее. Вряд ли они понимали, что говорят, но слова им явно пришлись по душе. И тут произошло чудо. У них получилось!

– Ленинградский! Ленинградский! – с энтузиазмом закричали они. – Ленинградский рок-н-ролл!

– Вот видите! – обрадовалась Матильда. – Вы молодцы! Повторяйте за мной:

Пускай сегодня мелкий дождь идет с утррра,

Но мы с тобой опять танцуем как вчеррра.

От Москвы до Ленингрррада, и обррратно до Москвы,

Пляшут линии, огрррады и мосты.[2 - Песня группы Браво «Ленинградский рок-н-ролл».]

Гламроки были явно способными учениками. Они без труда повторяли незнакомые им слова. Но для них было неважно, что слова незнакомые – им очень нравилось, что теперь и они тоже могут, и никакого краша не происходит.

– Аба! Аба! – в восторге кричали они. – Мы гламроки! Мы читаем бредни! И мы читаем букву!

От открывшихся перед ними новых возможностей, дикари пришли в состояние крайнего возбуждения, и Матильда подумала, что их следует угомонить, а то они уже разошлись не на шутку.

– Стойте, стойте! Послушайте меня! – ей едва удалось их перекричать. – Скажите, зачем вы читаете эти свои бредни?

Гламроки немного успокоились, и один из них ответил:

– Мы должны читать бредни, – и тут же опять завелся. – Аба! Я читаю букву!

По-видимому, возглас «аба» у них служил способом выражения восторга. Но Матильда прервала энтузиаста:

– Да, я поняла, вы читаете бредни. Но какой в них смысл?

Вопрос озадачил гламрока.

– Что такое смысл? – спросил он, и не дождавшись ответа, добавил. – Смысл не надо. Надо ошо!

Матильде стало ясно, что отучить их от глупой привычки не удастся, да и не стоит наверно. Немного подумав, она обратилась к ним со словами:

– Так, значит, смысла вам не надо. Тогда я расскажу вам новую, волшебную бредню. Если будете читать ее постоянно, непрестанно, вам будет не просто ошо, а хо-ро-шо. Это больше. Это лучше.

Гламроки, похоже, были заинтригованы. Матильда собралась с мыслями, и начала говорить речитативом, не решаясь пока огорошивать их мелодией песни.

– Слушайте:

Мама-миа, хир а го эген,

Ма-ма, ха кэн а резист ю.

Мама-миа, даз ит шо эген,

Ма-ма, даст ха мач а мист ю.

Ес ав бин брокенхаре,

Блю син зе дэй ви паре.

Вай-вай, дид а эва лет ю го.[3 - Вольная транскрипция песни группы Abba «Мамма mia».]

Гламроки слушали как замороженные, и после того как Матильда закончила, еще несколько мгновений молчали. А затем разразились восторженными возгласами:

– Мана-миа! Мана-миа! У нас есть новая бредня! Хо-ро-шо! Это больше! Это лучше! Аба! Аба!

– Да, это Абба, – сказала Матильда. – Ну успокойтесь вы! Слушайте, давайте я вам повторю, чтобы вы заучили!

– Мана-миа! Мы помним! – отозвались гламроки, и тут же нестройным хором повторили все слово в слово, заменяя лишь «мама» на привычное им «мана». Как видно, их разум не был обременен излишней информацией, а потому любые слова и фразы они запоминали и воспроизводили с легкостью.

– Ну вы даете! – удивилась Матильда. – Ладно, пойдете отсюда, здесь душно. Пойдете!

Гламроки послушались и гурьбой высыпали вслед за Матильдой наружу. Но и там не могли угомониться. Переполненные впечатлениями, они выстроились по своему обычаю в вереницу и принялись топтаться, бормоча новую бредню:

– Мана-миа, хир а го эген...

Теперь они уже уверенно выговаривали букву, но веселая песенка в их исполнении превратилась в мрачный речитатив, как получается у солдат, когда они механически запевают надоевшую строевую песню.

– Ма-на, даст ха мач а мист ю...

Матильда, глядя на все это топтание и бормотание, подумала: «Нет, это опять какое-то исступление. Так не пойдет. Надо их зарядить чем-то более позитивным».

– Так, слушайте все сюда! – скомандовала Матильда. – Стойте как стоите. Сейчас мы разучим новую бредню. Это не просто бредня, а пелка-танцевалка. Это еще больше! Еще лучше! Вам будет хо-ро-шо! Хватайтесь друг за дружку и повторяйте все движения и слова за мной.

Гламроки удивились, но послушались. Она стала впереди всей вереницы, положила руки стоящего за ней себе на пояс, пригрозив ему, «Не трогай мой бант!», и начала петь, отплясывая когда-то модный танец:

Как-то ночью по пустой дороге

Грустный со свидания я шел опять.

Верьте – не верьте, почему-то ноги

Сами стали этот танец танцевать.

Снова к милой привела дорожка,

Снова оказался у ее дверей.

Стукнул в окошко, подождал немножко.

Слушай, дорогая, выходи скорей.

Раз-два, туфли надень-ка,

Как тебе не стыдно спать.

Славная милая смешная енька

Нас приглашает танцевать.[4 - Песня-танец «Летка-енька». Автора не знаю.]

Гламроки сперва нестройно и невпопад, но затем все дружнее и веселее принялись повторять все за ней. Оказалось, что они способны воспроизводить даже мелодию песни. Для них это было нечто новое, но было видно, что пелка-танцевалка им ужасно нравится.

Если кто-то видел, как танцуют летку-еньку, подпрыгивая вперед-назад и дрыгая смешно ногами, тот может представить, каким это было умопомрачительным зрелищем в исполнении гламроков. Наша дива знала, насколько старый добрый танец был опошлен современными гламурными дивами. Но она была не такой вульгарной, как ее «коллеги по цеху». Матильда ценила все настоящее, а потому пела и плясала так, как это делали в старое доброе время, которое она любила, как тот же твист.

Гламроки быстро усвоили мелодию и слова, и уже дружно подпевали ей, с удовольствием прыгая и выкидывая ноги из-под своих балахонов. Их впервые охватило доселе незнакомое им чувство радости – чувство, которое они верно никогда еще не испытывали.

Раз-два, туфли надень-ка,

Как тебе не стыдно спать.

Славная милая смешная енька

Нас приглашает танцевать.

Наконец, наплясавшись вволю, они все собрались вокруг Матильды, и будучи в полном восторге, принялись ее восхвалять на свой манер:

– Мана-тида-енька! Мана-тида-енька! Нас приглашает танцевать!

Так бы они кричали еще долго, но Матильда замахала на них руками:

– Все, хватит! Я устала, мне надо отдохнуть.

Гламроки, будто проникшись пониманием, подхватили ее на руки и понесли в сторону построек, не переставая восклицать:

– Мана-тида! Мана-тида-енька! Ты наша мана!

Они внесли ее в ближайший домик, бережно усадили на что-то вроде лежанки и удалились, почтительно пятясь назад. Лежанка была завалена сеном. Кроме того, там были еще стол и стул, а также нечто наподобие туалета. В остальном помещение было пустым и сугубо аскетичным. С круглыми высоко посаженными окнами на каждой стене и с одной дверью. Все из того же незнакомого гладкого материала, которым были отделаны все постройки. Несмотря на примитивность, жилище было достаточно технологичным, за исключением сена, невесть откуда взявшегося в этой пустыне.

Матильда с облегчением вздохнула. Наконец, ее оставили в покое. Однако ненадолго. Вскоре дверь отворилась, и в дом вошел гламрок (не постучавшись конечно, какие уж там манеры), зато с подношением. Матильда только сейчас почувствовала, насколько была голодна. Гламрок поставил на стол поднос с миской, чашкой и ложкой.

– Что это? – спросила Матильда.

– Еда! – лаконично ответил тот.

В чашке была вода, в миске что-то вроде фасоли. Запах вроде тоже был неплохой. Матильда осторожно попробовала. Блюдо оказалось довольно вкусным, как ни странно.

– Откуда это у вас? – осведомилась она.

– Хлевыюн дает. Еды много!

«Сволочи, – подумала Матильда. – Почему же вы хотели меня съесть, если у вас и так жратвы дохрена». Но вслух ничего не сказала. Гламрок был немногословен, а она не имела ни малейшего желания вдаваться в расспросы, и тот удалился, пятясь задом и затворив за собою дверь. Наконец-то, и похоже окончательно, церемонии на сегодня были завершены.

Матильда быстро поела, забралась на лежанку и зарылась в сено. Постель была не ахти какая, но в таких обстоятельствах рассчитывать на удобства не приходилось. Несчастливая настолько устала от впечатлений и событий прошедшего дня, что не могла ни уснуть, ни расплакаться. Да, все закончилось удачно. Гламурная дива стала богиней гламроков. Но что дальше? Что она будет здесь делать? Зачем ей все это?

Матильду охватила глубокая печаль. Неужели ей не суждено вернуться обратно? Неужели больше никогда и ничего не будет, из того что было? Что было и осталось в том, беззаботном прошлом, что не ценилось тогда, и что может быть теперь утеряно безвозвратно. И никто никогда не уложит ее в чистую постельку, не поцелует в лобик, не назовет ласково «Тиличка, ляля». Ей вспомнилось, как это делала ее мама. Каково ей сейчас? Наверно беспокоится? А остальные ищут ее, куда она пропала?

С этими грустными мыслями Матильда, уже вконец обессиленная, уснула.

Город манекенов

Жрица Итфат ошалело озиралась по сторонам. Ее было трудно чем-либо удивить, но произошедшее с ней и окружающей действительностью не вписывалось ни в какие рамки. После того как песочные часы, или чем это являлось, перевернулись и осыпались, реальность успокоилась. Небо стало голубым, а песок желтым, однако солнце так и не появилось. «Откуда же свет?» – подумала жрица.

– Улетели-улетели мои туфельки, – продолжала она разговаривать сама с собой. – Ладно-ладно, будем считать, что я за свой страх расплатилась. Но если и дальше так пойдет, мне скоро нечем будет расплачиваться.

У Итфат только и оставалось, что ее шикарное платье из темно-синего бархата с бриллиантовым воротничком, да еще перстень с кристаллом на левой руке.

– Больше ты ничего от меня не дождешься, ты, полоумная реальность! Если ты свихнулась, так это не значит, что и я тоже должна. Тебе больше не удастся

меня запугать. Отдавай мои туфли! Слышишь?

Между тем, вслед за опрокидыванием песочных часов к пейзажу добавилась новая деталь. Вдалеке стали проглядываться очертания какого-то города.

– Ну вот, Итфат, жрица-жрица, теперь тебе есть куда идти. Уже идем! Уже скорей! Пора кончать с этой бессмыслицей. Только бы не мираж.

Она отряхнула платье от песка и зашагала в сторону наметившейся цели. Песок скрипел под ее босыми ногами, будто стеклянный, хотя на ощупь был мягким. Жрица обратила внимание, что ступает по нему как по вате. Но еще больше ее озадачило другое, не менее странное явление. Ей казалось, что она не сама идет, а пейзаж движется навстречу, в то время как она лишь переставляет ноги. К тому же цель приближалась с какой-то неестественной быстротой.

– Это еще что за фокусы? – возмутилась Итфат. – Ты хочешь меня удивить, или опять испугать? – сказала она, обращаясь к реальности. – Так не бывает! А чего не бывает, того и бояться не стоит. Не страшно не страшно! Совсем-совсем! Поняла?

Реальность тем временем продолжала быстро меняться, словно игнорируя восклицания жрицы. Уже через несколько минут небо посерело, песчаные волны перешли в каменистую пустошь, а очертания города выросли на глазах. Итфат почему-то не чувствовала камней, они ей не мешали, как ни странно, с ее босыми ногами. Но она уже устала чему-либо удивляться.

Жрица вошла в город, если таковым можно было назвать абстрактное нагромождение кубических построек и углублений, с бесконечным переплетением лестниц повсюду, куда бы ни падал взор. Вокруг стояла мертвая тишина, изредка прерываемая объемными звуками падающих капель, как будто невидимая гигантская клепсидра отмеряла промежутки времени.

– Ти-хий ужас. Это просто ти-хонь-кий, такой, у-жас, – повторяла Итфат, блуждая в лабиринте расположений и конструкций. – Час от часу не легче. Неужели кошмары еще только начинаются?

– Эй, есть тут кто-нибудь?! – крикнула она, и тут же объемное эхо разнесло ее возглас многократным «будь-будь-будь».

– Т-с-с, – опешила жрица, переходя на шепот. – Нет, если ужас тихий, то и вести себя надо тихонечко.

Она осторожно открыла дверь одного дома и заглянула внутрь. Там никого не оказалось. Из обстановки были только стол, стул и лежанка. Больше ничего. Аналогичная картина повторялась в каждом из домов, куда заглядывала Итфат. Она их обследовала один за другим, но нигде не было ни души.

Тогда она отважилась взобраться на высокую лестницу, чтобы осмотреться. Как выяснилось, лестница никуда не вела, а после нескольких поворотов зависала в воздухе. Итфат не стала подниматься до самого верха, потому что от высоты у нее уже начала кружиться голова. Остановившись где-то посередине, она огляделась по сторонам. Невдалеке меж одинаковых крыш возвышалось черное строение.

Спустившись с лестницы, Итфат решила двинуться в том направлении, насколько это было возможно в причудливом лабиринте. Так, от дома к дому, от лестницы к лестнице, она брела, внимательно смотря себе под ноги, чтобы куда-нибудь не угодить, как вдруг чуть не столкнулась с серой фигурой.

От неожиданности жрица отпрянула назад, ее сердце заколотилось. Фигура стояла неподвижно, замерев в такой позе, будто собиралась сделать шаг. Это был не то человек, не то статуя, облеченная в бесформенный балахон с капюшоном, скрывавшим лицо. Переведя дух, Итфат обошла фигуру вокруг и заглянула под капюшон.

Стеклянные глаза горели в тени, глядя в никуда. Ей показалось, что в них присутствовали признаки жизни, однако все остальное лицо было мертвенно-серым и застывшим в бесстрастном выражении. Итфат позвала тихонько:

– Эй!

Фигура не шелохнулась. Тогда жрица осторожно потрогала балахон, он был сшит из какого-то грубого материала; провела пальцами по руке, она ощущалась как восковая; коснулась щеки... И тут произошло нечто противоестественное – пальцы жрицы свободно проникли сквозь кожу лица, будто оно было нематериальным.

Решив проверить свою догадку, Итфат попробовала провести рукой через тело фигуры, и рука снова прошла насквозь. В полном изумлении, жрица попятилась, и вдруг увидела, что проваливается в находившуюся позади лестницу, словно та состояла из воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Песня «Лучший город земли», музыка А. Бабаджаняна, слова Л. Дербенева.

2

Песня группы Браво «Ленинградский рок-н-ролл».

3

Вольная транскрипция песни группы Abba «Mamma mia».

Песня-танец «Летка-енька». Автора не знаю.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vadim-zeland/zhrica-itfat>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)